

Н. Волконский

**Условия помещичьего хозяйства при
крепостном праве.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н. Волконский**
Условия помещичьего хозяйства при крепостном праве. / Н. Волконский – М.: Книга по Требованию, 2012. – 83 с.

ISBN 978-5-4241-7702-6

ISBN 978-5-4241-7702-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

изъ которыхъ сахаръ, гдѣ можно, замѣнялся своимъ медомъ, а чай сбитнемъ, водка. Всего этого потреблялось въ гораздо меньшемъ количествѣ, чѣмъ теперь, и расходовалось больше на угощеніе гостей, для народа, чѣмъ на повседневное потребленіе. Кофе, если не ошибаюсь, сталъ входить въ употребленіе въ нашей мѣстности лишь съ 20 годовъ и долгое время его подавали лишь въ богатыхъ помѣщичьихъ домахъ. Сохранилось еще не мало разсказовъ о курьезныхъ случаяхъ, сопровождавшихъ его введеніе. Чаю во многихъ домахъ дѣтямъ не давали въ видахъ экономіи, какъ не давали его и въ тогдашнихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изъ предметовъ, служившихъ для одежды, покупными были лишь ткани, изъ которыхъ шилось платье, и то не всегда, да кожа для обуви, да еще металлическія вещи. Самое шитье какъ платья, такъ и обуви, все бѣлье, все украшенія, кромѣ металлическихъ, изготовлялись дома, начиная съ нитокъ, которыми шили и изъ которыхъ ткалось полотно, до кружевъ и блондъ, которыми украшались выѣздные наряды. Въ самыхъ покупкахъ наблюдалась непривычная намъ экономія. Не жалѣли денегъ развѣ (только) для праздничныхъ нарядовъ, въ которыхъ ѣздили въ гости, въ обыденной же жизни и богатые помѣщичьи зачастую обходились какимъ вибудь ситцемъ, да изрѣдка кисеей. Въ нѣкоторыхъ хозяйствахъ и кожа на обуви была своя. Объ одеждѣ рабочихъ, дворни, и говорить нечего: она была домашняго приготовленія. Изъ другихъ предметовъ домашняго обихода покупались мыло да свѣчи, главнымъ образомъ салныя; стеариновыя считались роскошью. Мой дѣдъ, Петръ Васильевичъ Колобовъ, владѣвшій въ концѣ своей жизни 500 крестьянъ въ различныхъ губерніяхъ, говаривалъ: „съ ума сойду, когда зажгу стеариновую свѣчу и стану пить французское шампанское“, и разрѣшилъ себѣ въ первый разъ то и другое лишь въ день свадьбы дочери въ 1846 г. До того времени у него въ домѣ обходились по праздникамъ „донскимъ“, пріобрѣтавшимся въ Лебеяни на ярмаркѣ, и жгли салныя свѣчи. Во многихъ хозяйствахъ и свѣчи изготовлялись дома: лучше отливались въ формы, по проще изготовлялись посредствомъ маканія фитиля въ сало. Мебель въ домѣ была тоже вся своя. Покупались развѣ нѣкоторые экипажи, вроде каретъ или знаменитыхъ оводовскихъ тарантасовъ, но остальные экипажи, разныя брички дѣлались тоже дома. Если въ то время что нравилось помѣщику, посылали своего мастера выучиться, какъ это сдѣлать. Наконецъ, что касается полеваго хозяйства, которое велось отличительно крестьянскими орудіями, и теперь еще изготовляющимися большей частью кустарнымъ образомъ дома, до предметовъ потребленія крѣпостныхъ, то понятно, здѣсь было уже все свое. Пріобрѣталось желѣзо, соль, деготь, котораго крестьянину нельзя было самому промыслить, и лѣсной матеріалъ, когда у помѣщика своего лѣсу не было. Крестьяне покупали нужное имъ сами, у помѣщиковъ, что требовалось, обдѣлывалось

домашними мастерами. Въ употребленіи металлическихъ орудій и издѣлій наблюдалась крайняя экономія даже у помѣщиковъ. Палицы и серпы часто изготовлялись и накаливались крѣпостными кузнецами дома, замки замѣнялись различнаго рода щеколдами. Дворня получала свѣчи только для работы на барина, у себя дома, подобно крестьянамъ, чуть не до самой реформы жгла лучину.

Все покупное казалось дорогимъ, — все свое, домашнее, не цѣпилось.

Было бы въ высшей степени интересно заглянуть въ дѣйствительные расходы помѣщика того времени, просмотрѣть его бюджетъ. Былъ у меня когда то такой матеріалъ подъ рукою, но теперь нѣтъ.

Дворня при описанномъ порядкѣ естественно должна была достигать значительныхъ размѣровъ. Въ имѣніи моего дѣда, при селѣ Зимаровѣ, въ которомъ по X ревизіи числилось 77 р. м. н. д. крестьянъ, лѣтнія хаты дворовыхъ (зимой они размѣщались въ домѣ и по флигелямъ) занимали порядочное пространство. Сколько помнится, ихъ было дворовъ около десятка. Правда, это было имѣніе, гдѣ жилъ помѣщикъ; у дѣдушки были другія имѣнія, гдѣ дворовыхъ было много меньше. Довольно обширная дѣвичья наша уже на моей памяти, стало быть, во время хозяйства моего отца, сильно сократившаго дворню, была полна работницами, кружевницами и вышивальницами, работавшими подъ руководствомъ бабушки для домашняго обихода. Занято было не менѣе 8—10 работницъ, общее же количество ихъ было больше *). Я помню, долго послѣ освобожденія лежали у насъ на складочномъ дворѣ запасъ мѣдныхъ бердъ отъ бывшихъ домашнихъ ткацкихъ станковъ. Полотна, вытканная на этихъ станкахъ крѣпостнымъ трудомъ, скатерти и проч. не перевелись и теперь, удовлетворивъ въ теченіи 40 лѣтъ послѣ прекращенія ихъ производства послѣдовательныя нужды трехъ большихъ семействъ, и до сихъ поръ, напр. мы ѣдимъ на скатертяхъ крѣпостного издѣлья. Лакеевъ на моей памяти было только четверо, прежде вѣроятно больше: тѣмъ не менѣе, когда, бывало, по имениннымъ днямъ съѣдутся сосѣди, при чемъ каждый привезетъ по тогдашнему обычаю свою прислугу съ собою, то въ столовой представлялось какъ будто ихъ было столько же, сколько и господъ. Такъ и должно было быть на парадныхъ обѣдахъ; за каждымъ гостемъ долженъ былъ стоять особый лакей. Поваровъ при крѣпостномъ правѣ было двое съ помощникомъ; столяровъ трое, всѣ выученные въ Москвѣ; кузнецъ одинъ, при немъ молотобоецъ. При господскихъ дѣтяхъ полагалось по нянкѣ при каждомъ. Объ остальныхъ дворовыхъ, занимавшихъ разныя должности по хозяйству, ко-

*) вмѣстѣ съ ткачихами не менѣе 20 дѣвушекъ и женщинъ. Недавно при мнѣ ихъ считали. Всѣхъ припомнить не могли, но до 20 набрали. Пряли всѣ.

нюхахъ, скотникахъ и скотницахъ, птичникахъ и проч. не говорю, такъ какъ числа ихъ не знаю. Всего было по нѣсколько человѣкъ. Кучеровъ двое и при нихъ форрейторъ. Въ средѣ дворовыхъ были также свой портной и свой башмачникъ.

Все это было въ имѣніи у помѣщика, владѣвшаго въ совокупности вмѣстѣ съ женою 500 р. м. п. дунъ крѣпостныхъ, считавшагося въ общемъ очень бережливымъ хозяиномъ и дѣйствительно бывшаго такимъ, водившаго своихъ дочерей (сыновей у него не было) дома, въ избѣжаніе привычки къ роскоши, не иначе, какъ въ ситцѣ и дозволявшаго имъ имѣть не болѣе одного праздничнаго шерстянаго или кисейнаго платья, считавшаго употребленіе стеариновыхъ свѣчъ и французскаго шампанскаго при тѣхъ средствахъ, которыми онъ располагалъ, безумствомъ. Правда, послѣ смерти дѣдушки время, къ которому относится большая часть сообщенныхъ выше фактовъ, семейство его жило уже нѣсколько шире. Но и самъ онъ не находилъ, напр., ничего несообразнаго съ его средствами въ томъ, что, приготовлявшіяся, правда, для торжественныхъ случаевъ, платья его дочерей обшивались блондами домашняго издѣлья, выдѣлка которыхъ для каждаго платья требовала двухлѣтняго труда искусной мастерицы (расчетъ сдѣланъ по объясненію одной изъ нихъ). У другихъ, болѣе широко жившихъ, помѣщиковъ того времени дворянъ и количество припасовъ, шедшихъ на ея содержаніе, бывали еще значительнѣе.

Въ числѣ дворовыхъ людей, лично мнѣ извѣстныхъ имѣній нашего околodka, т. е. Раненбургскаго и части Козловскаго уѣзда, кромѣ упомянутыхъ выше должностей, а также такихъ, какія неизбѣжны во всякомъ средней руки хозяйствѣ, вродѣ конюховъ, овчаровъ, скотниковъ и т. п. были дворецкіе, портнихи, пекаря и кондитеры, сѣсаря, музыканты, псары и разный другой штатъ псовой охоты, актеры, повитухи, даже профессиональные дураки и дуры, пристрастіе къ которымъ въ самый разгаръ крѣпостнаго самовластія было также сильно развито, какъ и пристрастіе къ шутамъ при дворахъ.

Содержаніе такой дворянъ требовало не мало средствъ отъ хозяйства: надо же было размѣстить, накормить, одѣть все это полупромышленное населеніе, но во дни преобладанія натурального хозяйства это не считалось обременительнымъ, такъ какъ денегъ собственно не требовало, а между тѣмъ, при случаѣ, дворовыхъ можно было заставить и въ полѣ поработать. „Дворянъ наша гвардія“ говаривалъ дѣдушка, П. В. Колобовъ, и, дѣйствительно, въ его хозяйствѣ она составляла, между прочимъ, и родъ резерва рабочихъ силъ, которыя можно было ввести въ дѣло, когда понадобится. Полевая работа должны были звать всѣ дворовые, и, напр., въ рабочую пору въ его имѣніи всѣ дворовыя женщины кромѣ кружевницъ и вышивальщицъ, которымъ важно было

не испортить пальцевъ, брались за серпъ, столяры, кузнецы, кучера и проч. бросали свои обычныя занятія и выходили въ поле помогать уборкѣ. Тоже конечно бывало и въ другихъ хозяйствахъ, кромѣ самыхъ богатыхъ.

Согласно такому строю хозяйства самыя способы его веденія, сѣвообороты, были другіе, чѣмъ теперь, или чѣмъ стали позднѣе. Подобно тому, какъ и нынѣ крестьяне, засѣвая свою полосу земли львомъ или просомъ, сѣютъ столько то того или другаго не потому, чтобы этотъ ленъ или просо считалось выгоднымъ продать по мѣстнымъ условіямъ, а потому, что въ такомъ именно количествѣ они нужны для собственнаго потребленія хозяина, и въ помѣщичьихъ поляхъ того времени много сѣялось не для требованія рынка, но по требованіямъ сѣвооборота, но для собственнаго обихода: гречиха и просо на крупу и пшепо (проса въ то время впрочемъ почти не сѣяли) ячмень на солодъ, ленъ конопли на прядево. Такимъ образомъ овцы разводились на шерсть собѣ, козы въ томъ или другомъ имѣніи, потому что владѣлецъ былъ охотникъ до молодой козлятины или хозяйка до издѣлій изъ козьяго пуха, для той же цѣли водили псецовъ и т. п.

Подобнымъ же образомъ и самыя имѣнія цѣнились въ то время не только по доставляемому ими денежному доходу, но и по тѣмъ удобствамъ, которыя представляло каждое изъ нихъ для собственнаго потребленія хозяина: одно имѣніе потому, что въ немъ хорошо родится ленъ, другое за то, что въ немъ есть прудъ, а въ пруду рыба и т. п. Муромское имѣніе, принадлежавшее моей бабушкѣ С. И. Колобовой, цѣнилось ою особенно за родившійся въ немъ отличный ленъ долгунецъ по заливу р. Оки, изъ котораго получалась пряжа годная на самыя высокіе сорта полотна. Пензенское—моего дѣдушки за удобныя условія для выноса шленскихъ овецъ, а также и за то, что оно было близко отъ родныхъ Петра Васильевича: „ноѣдешь туда и заѣдешь“! Оброкъ, получавшійся съ крестьянъ упомянутаго Муромскаго имѣнія, какъ видно изъ приказа, написаннаго рукою моего отца, Кнзя Сергѣя Васильевича Волкодскаго въ 40-хъ годахъ, очевидно, по просьбѣ владѣлицы и вѣроятно повторявшаго прежній порядокъ заключался: въ 40 рубляхъ ассигнаціями денегъ съ cadaго пзъ 39¹/₂ тяголь имѣнія, 19¹/₂ пудахъ льну, холстѣ льняномъ, по 15 аршинъ съ бабы и по 10 аршинъ съ дѣвки, начиная съ 16 лѣтняго возраста, сухихъ бѣлыхъ грибовъ, по 1 фунту съ бабы, раковыхъ шейкахъ сушеныхъ по ¹/₂ фунта съ бабы, груздихъ соленыхъ—со всѣхъ одно ведро, и двухъ пудахъ мыла со всѣхъ. Кромѣ того, за предоставленіе въ ихъ пользованіе рыбной ловли на Окѣ крестьяне обязывались платить во вторую половину оброка—къ 6 Декабря 2 пуда рыбы: 1 пудъ стерлядей и 1 пудъ лещей. Время уплаты такого оброка было и для насъ, дѣтей, въ мое дѣтство праздникомъ, такъ какъ сверхъ услов-

леннаго Муромскіе крестьяне обыкновенно отъ себя привозили на поклонъ Муромскихъ калачей, орѣховъ и т. п. сластей, за что угощались водкой и обыкновенно добивались у бабушки какой нибудь отсрочки или скидки въ денежномъ оброкѣ.

Отмѣченный порядокъ крѣпостнаго хозяйства, если взглянуть на него съ исторической точки зрѣнія, являлся результатомъ продолжительнаго экономическаго процесса, дѣйствовавшаго на крѣпостное имѣніе подѣ вліяніемъ извѣстныхъ отношеній, точно также какъ, съ другой стороны, и самъ онъ, въ свою очередь, былъ не болѣе, какъ однимъ изъ фазисовъ крѣпостнаго хозяйства, только переходною ступенью къ другимъ, отличнымъ отъ него состояніямъ. Вотъ выводъ, котораго невольно напрашивается, какъ скоро мы начинаемъ внимательнѣе всматриваться въ особенности тогдашняго хозяйства. Если заглянуть далѣе въ исторію за вѣкъ, за два, очень вѣроятно, что характеръ хозяйства оказался бы совсѣмъ другимъ. точно также могли быть и въ разсматриваемое время въ другихъ мѣстностяхъ и при другихъ условіяхъ въ такихъ же крѣпостныхъ имѣніяхъ совсѣмъ иныя формы хозяйства, чѣмъ тѣ, которыя существовали у насъ. Какое было взаимное отношеніе этихъ различныхъ состояній, послѣдовательно смѣнявшихъ одни другія или существовавшихъ одни подлѣ другихъ, какаѣ зависимости другъ отъ друга или отъ общихъ причинъ — вопросы, на которые необходимо отвѣтить, если желать понять значеніе наблюдаемыхъ явленій.

Въ извѣстномъ сочиненіи Бѣляева „Крестьяне на Руси“ приведено нѣсколько выдержекъ изъ рядныхъ записей 16 и 17 вѣка, времени, когда тѣ отношенія, которыя потомъ стали извѣстны подѣ названіемъ крѣпостныхъ, только еще складывались. Этими записями вырисовывается хозяйственное состояніе весьма отличное отъ только что описаннаго первой половины нынѣшняго вѣка, но въ то же время имѣющее съ нимъ несомнѣнно и родственныя черты. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ выдержекъ.

Въ уставней грамотѣ Соловецкаго монастыря, данной крестьянамъ село Пузырева въ 1561 году, выдержка изъ которой приведена въ упомянутой книгѣ, между прочимъ значитъ: „имать у васъ оброкъ хлѣбный съ 33 вытей, на годъ съ выти по четыре четверти овса, въ новую городскую мѣру; да съ тѣхъ же волостей на годъ съ выти, на Господень день, по сыру, по сухому, а не любъ сыръ, и за сыръ двѣ денъги, да въ осень на Покровъ Св. Богородицы 50 яицъ, по хлѣбу. да по калачу“. „А пашню пахать на монастырь въ селѣ Никольскомъ, а сѣять сѣмены монастырскими съ выти по четверти ржи, по двѣ четверти овса“. „А похощеть прикащикъ сѣять пшеницу, или жито, или горохъ, или гречю, или ленъ и крестьяномъ то

пахати, на которыхъ десятинахъ прикащикъ излюбятъ“. Слѣдуетъ выговоръ другихъ работъ: молоть рожь и солодъ на хлѣбы и на квасъ приказчику и доводчику и слугѣ. „Да съ тѣхъ же вытей“, продолжаетъ грамота, „съ выти привозити на монастырскій дворъ по два воза дровъ да поленныхъ, по третьему возу сосновыхъ дровъ на квасы, да по 10 полѣнъ лучины. А повозъ везти къ Вологдѣ съ вытью по лошади, а на лошадь по 4 четверти ржи, а овса по 6 четвертей..... а назадъ везти на тѣхъ же коняхъ на выть по полутретьядцати пудовъ соли..... А не случится крестьянамъ котораго года повозъ везти, ино на нихъ взяти за подводу по 4 гривны Московскую“..... и т. д.

Отличительною особенностью договора, выясняющеюся изъ этой грамоты, является то обстоятельство, что денежный оброкъ поставленъ совершенно на заднемъ планѣ. Главное оброкъ хлѣбный и выговоръ цѣлаго ряда работъ огуломъ. При этомъ самые продукты, доставляемые въ видѣ obroka, являются частью въ совершенно законченномъ видѣ, прямо готовыми къ потребленію: сыры, печеный хлѣбъ, калачи.

Еще рѣже обнаруживается таже особенность накладывавшагося obroka въ приведенныхъ въ той же книгѣ договорахъ съ отдѣльными крестьянами, заимствованныхъ авторомъ сочиненія: „Крестьяне на Руси“ изъ Новгородской переписной книги за 1500 г. „Изъ 15 одинакихъ крестьянскихъ хозяйствъ, взятыхъ изъ этой книги“, объявляетъ Бѣляевъ, „три хозяйства платили каждое по барану, по 5 горстей льну, по четверти изъ хлѣба, по курицѣ, по коробью солоду и по коробью же хмѣлю; два хозяйства, каждое по гривнѣ деньгами, по бочкѣ пива, по 5 горстей льну и по четверти изъ хлѣба; три хозяйства, каждое по барану, по 5 горстей льну и по половинѣ изъ хлѣба; одно хозяйство по три гривны деньгами и по три коробы хлѣбомъ; одно хозяйство, по 7 денегъ, по овчинѣ, по 3 сыра, по 5 горстей льну и треть изъ хлѣба; одно хозяйство по барану, по 10 горстей льну и треть изъ хлѣба; одно хозяйство по 7 денегъ, полбочки пива, блюдо масла, сыръ и четверть изъ хлѣба“.

Трудно себѣ представить, чтобы собственникъ, получавшій съ своей земли доходъ въ видѣ такого натурального obroka, могъ жить на подобіе крѣпостного помѣщика 18 или 19 вѣка. Если у него была дворня, помогавшая ему уничтожать всѣ эти сыры и калачи, этихъ барановъ, и выпивать эти бочки пива, то, очевидно, это была не та перерабатывающая дворня, съ какою мы встрѣчаемся въ болѣе поздніе вѣка, а совсѣмъ другая, нѣчто вродѣ слугъ домочадцевъ, съ которыми можно было, пожалуй, явиться, когда потребуютъ, на царскую службу конну, людну и оружну, но которые не стали бы вышивать гладью или плести кружева. Такая дворня, если только возможно примѣнить

къ нимъ это названіе, могла быть и многочисленна, многочисленнѣе той, кака образовалась впоследствии, вродѣ тѣхъ слугъ, которыхъ, по свидѣтельству Котошихина, московскіе бояре приводили съ собою въ Москву и держали по 100 человекъ. Но самостоятельной части крѣпостного сотрудичества она не составляла.

Мы теперь знаемъ, что въ то время, за которое взяты упомянутые примѣры, крѣпостного права еще не существовало и только начинали складываться тѣ отношенія, которыя привели къ установленію этого права. Но сходный порядокъ могъ существовать и навѣрное существовалъ при благопріятныхъ условіяхъ долго послѣ того, когда крѣпостныя отношенія вполнѣ были признаны государствами. Свойство отношеній объясняется въ данномъ случаѣ не юридическими, а экономическими условіями. Хозяйство при такомъ оброкѣ должно было представлять родъ натуральной аренды, за которую помѣщикъ отдавалъ свою землю крестьянамъ. Забота, чтобы эта земля не гудила и арендаторы были найдены, была главною заботою собственника. Своей запашки или не было вовсе, или, если и была, то—гдѣ нибудь въ захолустѣ, въ одномъ уѣздѣ, незначительная. Если при такомъ положеніи хозяинъ желалъ улучшить свое хозяйство, т. е. получать лучшіе произведенія съ своихъ арендаторовъ, напр., завести лучшую породу овецъ, ему не оставалось другаго способа, какъ только, пріобрѣтя эту породу, раздать ее крестьянамъ для разведенія. Мы знаемъ, что это все и дѣлалось на самомъ дѣлѣ. Но аренда по существу своему требуетъ извѣстной свободы дѣйствій арендатора въ распоряженіи арендуемомъ имуществомъ. По этому, до тѣхъ поръ, пока держался такой порядокъ, какъ бы ни были юридически опредѣлены права помѣщика надъ крѣпостнымъ, отношенія между ними никогда не могли принять того вида полнаго подчиненія однихъ другому, какой выработался впоследствии. Извѣстная доля свободы вытекала изъ самого положенія дѣла.

Такой способъ веденія хозяйства могъ продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока потребности собственника земли и его домочадцевъ не расходились сильно съ потребностями жизни самихъ арендаторовъ, пока эти потребности могли удовлетворяться тѣми же самыми произведеніями, которыя получались въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Но съ той минуты, когда это условіе переставало существовать, какъ скоро потребности собственниковъ земли становились настолько отличнымъ отъ потребностей ихъ крестьянъ—арендаторовъ, что ихъ уже не могли удовлетворить произведенія крестьянскаго хозяйства, становилось необходимымъ измѣнить самый способъ полученія дохода съ земли. Возникновеніе дворян, которая переработала бы произведенія крестьянскаго хозяйства въ предметы барскаго потребленія, должно было быть самымъ прямымъ, естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія. Этимъ

путемъ вопросъ рѣшался всего проще, не сходя съ почвы натуральнаго хозяйства. Но вмѣстѣ съ возникновеніемъ такой дворни измѣнялся и спросъ на родъ произведеній крестьянскаго труда; вмѣсто вполне готовыхъ произведеній отъ нихъ потребовалось теперь только сырье, только матеріалъ, который могъ бы быть переработанъ дворной въ нужные для хозяина предметы. На приготовленіе этого сырья, при томъ того именно качества, какой требовался, явилась надобность отдѣлать часть земли для запашки на барина, и крѣпостной трудъ сталъ прилагаться къ этой землѣ уже по указанію собственника земли. Если потребность въ такого рода запашкѣ чувствовалась подчасъ и раньше, даже ввремя составленія уставной грамоты крестьянамъ села „Сузыри“ Соловецкимъ монастыремъ, то теперь это станетъ правиломъ. Притомъ наличность крѣпостной зависимости рабочихъ отъ барина отобьетъ этотъ способъ приложенія крестьянскаго труда въ другія формы; явится возможность для возникновенія формальной барщины.

Такъ намѣчался переходъ отъ первобытной формы крѣпостнаго хозяйства, выясняющейся изъ разсмотрѣнія рядныхъ записей съ крестьянами въ самомъ началѣ возникновенія крѣпостныхъ отношеній, къ болѣе близкой намъ формѣ, въ какой мы застаемъ крѣпостное хозяйство въ прошломъ и началѣ нынѣшняго вѣка. Крѣпостное селеніе вступало въ новый фазисъ своей жизни. Мы знаемъ, что переходъ этотъ дѣйствительно совершился. Когда и гдѣ это произошло, въ какихъ мѣстностяхъ и при какихъ ближайшихъ обстоятельствахъ — вопросы, на которые дать отвѣтъ могутъ только фактическія изслѣдованія. Но для объясненія такого перехода нѣтъ надобности отыскивать никакихъ другихъ причинъ или вліяній, кромѣ естественнаго хода экономическаго развитія общества, того, что привыкли называть цивилизаціей; ибо этимъ движеніемъ обуславливавшимъ постепенный подъемъ потребностей тогдашнихъ помѣщиковъ, объясняется все.

Въ Вѣстникѣ Европы за 1871 годъ напечатана была любопытная статья Забѣяна подъ заглавіемъ: „Вольшой Бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ“, въ которой приведено было нѣсколько данныхъ о хозяйствѣ извѣстнаго боярина Морозова царствованія Алексѣя Михайловича. Въ хозяйствѣ, описанномъ въ этой статьѣ упомянутый переходъ былъ уже въ полномъ ходу. Дворня была болѣе многочисленная и болѣе сложная, чѣмъ даже, напр., въ XVIII вѣкѣ. Изъ статьи мелькаютъ себѣ составить отчетливаго представленія о томъ, что собственно она дѣлала, такъ какъ изслѣдователь не касается этой стороны дѣла. Но видно, между прочимъ, что въ составъ ея входили такія должности и чины, которыхъ впослѣдствіи не бывало и изъ которыхъ нѣкоторые вѣроятно и въ то время были возможны лишь у такихъ большихъ бояръ, какимъ былъ Морозовъ. Такъ, напр., для одного управленія имѣніями былъ чуть не цѣлый приказъ дворовыхъ людей, вѣдавшій

и такія дѣла, которыя по теперешнимъ понятіямъ подлежатъ вѣдѣнію исключительно государственной власти. Впрочемъ это особенность, свойственная вообще крѣпостному праву.

Во всѣхъ имѣніяхъ Морозова была уже своя, боярская запашка, хотя эта запашка далеко не достигла еще тѣхъ размѣровъ, какихъ она достигла впоследствии въ барщинныхъ имѣніяхъ. На выть, тогдашнюю единицу обложенія, обнимавшую, по объясненію Забѣлина, отъ 12 до 16 дворовъ, пахалось на боярина въ однихъ имѣніяхъ по 1 десятинѣ въ полѣ, въ другихъ нѣсколько болѣе и въ самыхъ хлѣбопашныхъ по 2 и по 3 десятины. Десятины были въ то время сороковыя, т. е. по 3200 кв. саж. въ каждой, но боярская десятина была, по замѣчанію Забѣлина, вдвое больше осьмидесятка, т. е. въ 6400 кв. саж. Такія десятины, отвѣчающія большому кругу, еще и сейчасъ можно встрѣтить въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нашихъ восточныхъ губерній. Но, взявъ и это количество земли въ десятину для опредѣленія размѣра пахоты на тягло — единицу разложенія крѣпостной тяготы въ XVIII и XIX вѣкахъ, — которыхъ я считаю около двухъ на дворъ, получимъ даже для самыхъ хлѣбопашныхъ имѣній урокъ, значительно меньшій того, который установился впоследствии и примѣнялся, напр., у насъ въ барщинныхъ имѣніяхъ. Выть состояла, какъ было сказано, въ рядовыхъ имѣніяхъ изъ 12—16 дворовъ, но и въ самыхъ богатыхъ вотчинахъ Морозова она никогда не составлялась менѣе, чѣмъ изъ 4—8 дворовъ. Надо принять самую большую барскую запашку въ 3 десятины на выть въ полѣ на самый малый размѣръ выти въ 4 двора и предположить лишь по одному тяглу на дворъ, чтобы получить обычный размѣръ господской запашки въ двѣ тридцатки на тягло, принятый въ нашихъ барщинныхъ имѣніяхъ, напр., въ нынѣшнемъ столѣтіи. Но, очевидно, это предположенія невозможныя. И выти въ 4 двора не могли имѣть только по 1 работнику на дворъ, и запашка не могла накладываться въ самомъ крупномъ размѣрѣ на такія выти, существовавшія лишь въ самыхъ богатыхъ, оброчныхъ вотчинахъ, при томъ не такъ, чтобы вся вотчина состояла изъ такихъ вытей, а такъ, что ихъ только попадалось по нѣскольку въ такихъ вотчинахъ. Но всякое другое предположеніе даетъ уже несравненно меньшій размѣръ господской запашки на взрослога работника (тягло).

Въ распоряженіе крестьянъ земли отводилось значительно болѣе того. По общепринятому на Москвѣ въ то время (въ XVI и XVII в.) обычаю, по удостовѣренію Забѣлина, на выть обыкновенно отводилось доброй земли 6 десятинъ пашни въ полѣ, средней 7 и худой 8. Полагая, что тотъ же обычай соблюдался и въ имѣніяхъ Морозова, и принимая размѣръ десятины такимъ же, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, получимъ изъ сопоставленія этихъ цифръ съ приведенными

выше данными о количествѣ земли, пахавшейся на боярина, что крестьянской папни было въ Морозовскихъ имѣніяхъ отъ 2-хъ до 6 разъ противъ господской *).

Что касается количества пахатной земли, приходившейся при этомъ на cadaго крестьянина, то, считая средній размѣръ выти въ 12 дворовъ и приравнивая каждый дворъ такой выти къ одному тяглу, найдемъ, что на каждый такой дворъ, или тягло было отводимо во всѣхъ трехъ поляхъ въ десятинахъ выпѣшной казенной мѣры доброй земли по 4 десятины, средней по 4 дес. 1600 кв. саж. или худой по 5 дес. 800 кв. саж., что составляетъ почти какъ разъ тоже самое количество земли, какое считалось достаточнымъ для обезпеченія крестьянскаго тягла и хозяевами 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія **). Но безъ сомнѣнія другими угольями, — пользованіемъ лѣсами и покосами, выкосами и проч., крестьяне, въ то болѣе просторное время, были надѣляемы гораздо щедрѣе, нежели впоследствии въ XVIII и XIX вѣкахъ.

Если сложить, что пахалось такимъ образомъ на боярина, съ тѣмъ что крестьяне запахивали на себя, то окажется, что общій размѣръ пахоты былъ въ Морозовскихъ имѣніяхъ значительно ниже послѣдующаго времени. Значительная часть земель, обращенныхъ впоследствии въ папню, оставалась еще въ нераспаханномъ состояніи. Хотя бояриномъ и принимались мѣры къ расчисткѣ и распапкѣ такихъ земель, но это дѣлалось, очевидно, лишь остающимися отъ обычныхъ работъ силами крестьянъ, и затрачивать на это весь трудъ, которыми могъ овладѣть бояринъ, не представлялось еще выгоднымъ. Главный доходъ имѣній составляли выплачиваемые крестьянами оброки.

Оброки эти хотя и взимались еще въ значительной степени натурой, но уже вездѣ наряду съ натуральнымъ оброкомъ былъ и денежный; послѣдній, какъ впрочемъ легко себѣ представить, взимался, какъ видно, даже охотнѣе натурального; вездѣ, гдѣ оказывалось возможнымъ получить деньги, брали ихъ,

Такъ какъ въ числѣ вотчинъ боярина было и нѣсколько Рязанскихъ, то, для примѣра остановлюсь на нихъ.

*) Это отношеніе убавилось бы на половину, если положить въ основаніе расчета земли крестьянскаго надѣла не боярскія, а общепринятая въ то время десятины въ 3200 кв. саж. Но тогда выходило бы, что на cadaго крестьянина того времени отводилась лишь половина земли, какая считалась необходимой для обезпеченія его прокормленія въ самый разгаръ крѣпостного права, вещь совершенно не вѣроятная. Значитъ десятины были и тутъ боярскія.

**) Напр., Н. Н. Муравьевымъ, авторомъ примѣчанія къ русскому переводу „Основаніе сельскаго хозяйства“. Москва 1830 г. стр. 30 т. I. „Каждому тяглу потребно 1½ д. пахатной земли въ полѣ, и въ 3-хъ 4½. Десятины у Муравьева казенной мѣры.